

НАВСТРЕЧУ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ДОВЕРИЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭТ-
НИЧЕСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ» (14 – 20 ОКТЯБРЯ, ЕРЕВАН, АРМЕНИЯ)

УДК 316.3

М.К. Горшков

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА
В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
И УКРЕПЛЕНИИ ДОВЕРИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

M.K. Gorshkov

**THE STATE'S ROLE IN THE
PRESERVATION AND
DEVELOPMENT OF NATIONAL
AND CIVIC IDENTITY AND
CONFIDENCE-BUILDING IN THE
CONTEXT OF GLOBAL
PROCESSES**

В статье анализируется специфика национальной и гражданской идентичности. Обосновывается важная роль государства в сохранении и развитии идентичности. Делается вывод о том, что национальная и гражданская идентичность народов будет сохраняться и развиваться на основе идей, выводящихся из осмысления синтеза национального опыта и духовно-культурных, нравственных, и политических традиций и ценностей.

Ключевые слова: *идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность, глобальные процессы, доверие.*

М.К. Горшков

Академик РАН, директор Института социологии РАН (г. Москва).

E-mail: m_gorshkov@isras.ru.

The paper analyzes the specifics of national and civic identity. Substantiates the important role of the state in maintaining and developing identity. The conclusion is that the national and civic identity of the peoples will persist and evolve based on the ideas that are excreted from the synthesis of understanding of national experiences and spiritual and cultural, moral, and political traditions and values.

Key words: *identity, national identity, civic identity, global processes, trust.*

M.K. Gorshkov

Academician RAS, Director of the Institute of Sociology RAS (Moscow).

E-mail: m_gorshkov@isras.ru.

Кардинальные социальные, политические и экономические изменения, охватившие мир на рубеже XX – XXI вв. и связанные главным образом с нарастающими и весьма противоречивыми по сути и духу процессами глобализации, резко актуализировали проблему национальной идентичности. Никогда ранее в мировой истории проблемы противостояния цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности, с другой, не стояли столь остро и не охватывали практически все страны и народы мира. Как следствие, в условиях глобализирующегося мира идентичность обрела статус одного из основных дискурсов как науки, так и повседневной практики, можно сказать, превратилась в своеобразную «призму, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176].

В качестве всепроникающего вызова XXI в. глобализация оказывает на государства и народы неоднозначное влияние. С одной стороны, безусловно, выделяются позитивные последствия (преимущества) глобализационных процессов. В их числе можно назвать:

- экономию на масштабах производства, ведущую к сокращению издержек и снижению цен;
- свободную торговлю на взаимовыгодной основе;
- повышение производительности труда в результате рационализации производства и распространения передовых технологий;
- усиление конкуренции как способ стимулирования дальнейшего развития новых технологий и распространения их среди стран;
- упрощение доступа к информации для каждого жителя планеты;
- наконец, создание основы для решения всеобщих проблем человечества, в первую очередь экологических, путем объединения усилий мирового сообщества, консолидации ресурсов, координации действий в различных сферах.

С другой стороны, пытаясь, образно говоря, «перемолоть», растворить базовые идентификационные характеристики личности и общества в планетарных процессах экономизации, демократизации, информатизации и социокультурной универсализации, глобализация создает, помимо возможностей для развития, очевидный дискомфорт и порождает множество неведомых ранее проблем. Одна из них – причем наиболее опасная по своим последствиям – определяется как кризис национальной идентичности. Кризис, приобретающий сегодня такие формы и масштабы, что его преодоление означает уже не только (да и не столько) выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национального выживания.

Неудивительно в связи с этим, что, по оценкам экспертов, японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии по причине географиче-

ского положения островов, своей истории и культуры или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. В свою очередь, иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности». Считается, что теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем, поглощенным «задачей разложения и переформирования национальной идентичности». Аналогичными поисками, по мнению научных авторитетов, заняты в Мексике, Германии, Великобритании, США [2, с. 35-36].

С учетом отмеченной географии, вовсе не преувеличением является утверждение о том, что кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно и носит глобальный характер. Как отмечал В.В. Путин на юбилейном заседании Валдайского клуба: «Сегодня с необходимостью поиска новой стратегии сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым, в той или иной форме сталкиваются практически все народы ... из всех стран мира».

Являясь результатом разочарования в существующих идеалах и ценностях вследствие падения доверия к ним и к господствующей власти, кризисы идентичностей, по сути дела, создают условия для более всеобъемлющих исторических кризисов. Они же способны вызывать и такие явления, как потеря памяти об историческом прошлом, отрицание национальных символов, утрата веры в будущее, разрыв между реальным и должным, и т.п.

Вполне объяснимое в условиях нарастающей глобализации мирового пространства активное стремление государств и народов к сохранению национальных идентичностей сопровождается достаточно выраженным социальным парадоксом. Суть этого парадокса сводится к тому, что рост объективных интеграционных тенденций в мире, ведущих к взаимосвязи и взаимодействию во всех сферах жизни современного общества, оказывается, сопряжен с параллельным, не менее устойчивым процессом противодействия глобализации экономики и духовной сферы в форме протестов отдельных этнических и культурных общностей в разных регионах и странах. Чем сильнее процессы глобализации проникают в национальную самобытность, тем активнее народы стараются обезопасить такие внутренние компоненты жизни, как культура, язык, религия.

Двойственность и неоднозначность практик глобализации, затрагивающих не только внешний каркас социальных отношений, но и внутренний мир человека, усиливают потребность в определении им собственной национально-культурной принадлежности. Такая потребность вполне естественна и закономерна, ибо человек есть существо, живущее в про-

странстве и необратимом историческом времени. И в этом смысле ему никак не дано уйти от истории, жить вне ее.

То же самое можно сказать об обществе, государстве да и мировом сообществе в целом. Как следствие, любая цивилизация или наделенное многовековой культурой и традициями государство, показавшие свою пригодность к истории, основываются на особом, присущем только им идеале, или, можно сказать, на центральной, осевой, высшей идее, без которой, по мысли Ф.М. Достоевского, «не может существовать ни человек, ни нация». На идее, с которой так или иначе сообразуются доминирующие черты образа жизни, формы менталитета и культуры, институты социальной, экономической и политической организации, а также философия и религия и т.д. На идее, воплощающей в себе духовный и нравственный стержни социума. Наконец, идее, на основе которой формируется, упрочивается и «вступает в права» национальная идентичность народа и представляющего его государства.

О чем все это может свидетельствовать? А о том, что скрепляющим («системообразующим») элементом национальной идентичности является некая смысловая целостность, воспринимаемая как национальная идея. И в этом контексте национальную идентичность можно определить как заданную национальным видением мира и национальной историей основную идею, которой живет социум в конкретно-историческую эпоху и потому приемлемую для его большинства. Тем самым идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, его месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах его существования.

В контексте затронутых вопросов уместно сослаться на С. Хантингтона, который замечает: «Проблема американской идентичности уникальна, но Америка не уникальна в том, что... имеет эту проблему. Почти повсюду люди вопрошают, переосмысливают и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей...» [3, с. 35].

Вместе с тем можно дополнить высказанную мысль: в каждом обществе и каждой отдельно взятой стране проявления данной проблемы специфичны и вызывают различные социальные последствия. Вот и Россия не уникальна в том, что несет в себе проблему идентичности: как и повсюду, россияне переосмысливают, сопоставляют себя и окружающий мир, пытаясь понять общее и особенное в своих идентификационных характеристиках [4–6]. Более того, затронувший пореформенное российское общество «глубокий кризис идентичности» способствовал воскрешению, казалось бы, давно забытого (или по меньшей мере утратившего особую актуальность) конфликта, который уходит корнями в XIX столетие – конфликта между западниками и славянофилами: как и в прежнюю эпоху, и сегодня они никак не могут договориться, какая Россия страна – европейская или все-таки евразийская.

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о степени включенности Российской Федерации в процессы глобализации, проблемы постсоветской идентичности российского общества приобретают все большую актуальность и значимость. Именно с ними, а точнее с их решением, связываются сегодня прогнозы дальнейшего развития российского государства, его способность отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию. В связи с этим можно понять, почему с такой остротой на том же заседании Валдайского клуба В.В. Путин поставил следующие вопросы: как глобальные процессы будут влиять на нашу национальную идентичность? Каким мы хотим видеть мир XXI в.? Что может принести в этот мир Россия совместно с нашими партнерами?

Обращаясь к проблематике национальной идентичности, следует уточнить, какое содержание несет в себе данный социальный конструкт. Сделать это необходимо в том числе и потому, что в научном и практически-политическом дискурсе в понятие «идентичность» часто вкладывается самое различное смысловое наполнение, а нередко оно просто используется как «само собой разумеющееся».

С точки зрения социологов и социальных психологов формирование идентичности предполагает такую степень субъективного восприятия традиций, обычаев и норм, при которой действующий индивид не отделяет себя от той или иной социальной группы или общности, воспринимая все происходящее как имеющее отношение не только к нему лично, но и к определенной социальной группе или общности, т.е. к определенному «Мы».

При этом социологический подход не может не учитывать, что в современных условиях этнические и национальные отношения приобрели статус «камня преткновения» в системе общественных отношений. Неравномерно развивающийся мир порождает все большее смешение народов, в результате чего субъектами национальных отношений в одних обстоятельствах становятся языковые, культурные общности, а в других – государственные или социально-территориальные сообщества. Данная ситуация сама по себе актуализирует соотношение таких противоречивых явлений современности, как этническое и национальное, локальное и глобальное, индивидуальное и коллективное, гражданское и культурное. Отсюда – обращение к понятиям национальной и этнической идентичности, которые выражают части общего процесса самоидентификации людей.

Свой путь диалектики развития и трансформации идентичности прошла и постсоветская Россия за более чем два десятилетия реформ.

В первые годы новой России немало людей вообще продолжали чувствовать себя гражданами СССР (15 %) [7, с. 362]. Внезапный распад Советского Союза болезненно сказался не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании, представлениях о

ней, установках россиян по отношению «к другим». Естественно, когда в сознании людей разрушалась прежняя государственно-гражданская идентичность, актуализировались иные ее виды и формы – этническая, региональная, конфессиональная идентичность.

Так, согласно данным массового опроса, проведенного в 1992 г., лишь немногим более трети (38 %) населения России самоидентифицировали себя с гражданами России, тогда как почти половина россиян (42 %) не могли понять, кем следует себя считать [7, с. 362]. И даже по итогам опроса 2004 г. российская идентичность по масштабам интенсивности уступала и этнической идентичности, и идентичности, основанной на общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной, и локальной идентичности. Тогда россиянами ощущали себя три четверти опрошенных, а сильную связь с ними (часто чувствовали себя россиянами) – только 31 %.

Теперь же, двадцать лет спустя, определяя свою идентичность, 95 % респондентов в той или иной степени воспринимают себя как граждан России, при этом 72 % из них ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам массовых опросов, это самая сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей, к тому же проявляющая себя как исторически быстро формирующаяся. Причем если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи со своей страной россияне близки теперь, согласно европейским опросам, к жителям Великобритании и ФРГ.

Все сказанное вовсе не снимает вопроса об актуальности в современной России этнической идентичности. Так, до 90 % населения по-прежнему сохраняют в той или иной степени идентичность по национальности и по месту жительства. Однако если по этническому и локальному основаниям подобные идентичности ярко выражены у 50–60 % респондентов, то подчеркнута выраженная идентификация с российскими гражданами характерна для более 70 % опрошенных.

Вместе с тем следует обратить внимание и на другое: при таких высоких показателях распространённости и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Ведь в целом более половины населения одновременно ощущает сильную связь и со своим народом (в этнокультурном значении), и с российским сообществом. То же самое касается и локальной идентичности, которая проявляет себя столь же распространённой и сильной.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщённости населения страны. И в чём-то это действительно так. Однако важны основания интегрированности. Ведь глубокая социальная дифференциация и идейно-политическая разобщённость населения РФ является известным фактом. Но, очевидно, всё же есть такие ценности и потребности людей,

которые становятся цементирующими в обществе. Сама страна, где ты родился и жил, Родина – это ценности для большинства людей. Обычно они эмоционально окрашены и составляют тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. «Что для Вас значит быть патриотом России?» – спрашиваем мы в ходе массовых опросов. Во всех поколениях получаем согласованные ответы: «Любить свою страну»; «Стремиться улучшить жизнь в стране»; «Гордиться своей страной». И все это – ответы на уровне 92–97 %. Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», пятая часть респондентов не соглашается, а треть, наоборот, солидарна с тем, что не надо говорить, что у твоей страны есть недостатки.

Существует и другой, подтвержденный опросами неблагоприятный симптом – солидаризация в постсоветской России в немалой мере основана на обидах. Так, 62 % респондентов поддерживают мнение о том, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Причем среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64 % против 44 соответственно. Их сплачивает, прежде всего, обида за выход из СССР народов бывших Союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим. Отсюда – острая чувствительность к тому, какое место должно занимать большинство населения в полиэтническом пространстве страны.

Уместно подчеркнуть, что и национальная идентичность армян имеет прочную основу, традиционно базирующуюся на солидарных представлениях об исторических травмах, пережитых народом во время геноцида, и болевых сталинских решениях (имеются в виду решения по Карабаху и Нахичевань).

Обиды сплачивают армян, но, к счастью, не делают их закрытыми к другим культурам. Известно, что большинство армян живет за пределами своей страны. И, как показывают наши совместные этносоциологические исследования (имеются в виду исследования члена-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна и отдела социологии межнациональных отношений ИС РАН), они хорошо адаптируются в иноэтничной среде. В Москве, например, среди всех диаспорных групп населения (речь идет о легально живущих в стране) у армян особенно велика доля специалистов, врачей, преподавателей, работников сферы культуры и науки. Среди них высока доля признающих себя российскими гражданами, но одновременно с очень стойкой армянской этнической идентичностью.

В наших идентичностях много общего. У каждого народа высока гордость за свою древнюю историю, гордость за свою культуру, достижения в науке. И очень символично, что нынешняя международная конфе-

рениция в Ереване проходит в дни, когда отмечается 70-летие Академии наук Армении.

Уже приведенный перечень проблем, связанных с воздействием глобальных процессов на состояние и перспективы развития социума, убедительно показывает: в условиях нарастающего кризиса национальной идентичности каждое государство призвано делать все возможное для его преодоления. И вряд ли данный тезис может быть оспорен. Ведь, будучи важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, идентичность вовлекается в водоворот всемирной конкуренции, а мировое сообщество сталкивается, можно сказать, с феноменом «битвы идентичностей». При этом подобная конкурентная борьба не щадит никого. И выигрывают в ней те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства же слабые в этом отношении вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности стремительно и неизбежно «растворяются» в процессах глобализации.

Как следствие, в условиях современности первичным условием конкурентоспособности того или иного общества становится не только эффективность функционирующей в нем системы государственного управления, но и совершенствование и поддержание устойчивой системы ценностей, характерных для данного общества, причем ценностей, действенно мотивирующих людей к достижению успеха в глобальной конкуренции.

Общество, не сознающее себя как обособленная целостность, участвующая в жестокой конкуренции, равно как и общество, система мотивации которого не ориентирована на коллективный успех в подобной конкуренции, обречено на поражение и в конечном счете на деструкцию. Пример тому дает не только СССР, но и множество других стран, некогда представлявших собой хотя и не самые развитые, но все же стабильные, единые и обладающие определенными позитивными перспективами территории.

Сегодня российское общество стоит перед необходимостью не только сохранения, но и обретения обновленной самоидентификации. Как показывает история, это отнюдь не представляет собой принципиально неразрешимой задачи. Вместе с тем процессы формирования и последующего развития российской идентичности в принципе не могут происходить самотеком, только путем саморазвития. К тому же выбор вариантов, направлений продвижения вперед для любого общества далеко не беспределен. Существуют рамки, ресурсные и институциональные ограничения, из которых оно вырваться не может: это и его тип культурно-цивилизационного устройства, и система регулирующих повседневную жизнь ценностей, и механизмы их передачи через историческую память.

Государство в связи с этим призвано не только выбирать, формулировать соответствующую духовно-культурному потенциалу народа стратегию продвижения в будущее, мобилизовывать массы на реализацию намеченной программы, но и нести ответственность за результаты ее превращения в жизнь.

Отечественная история, как определил ее парадигму Н.М. Карамзин, есть прежде всего история государства Российского. Для России, в силу ее специфики, качество государственного управления более значимо, чем во многих других странах. В России выстроилась отличная от западной модель государственности. В контексте данной модели государство выступало не в качестве одного из «равноправных» субъектов отношений внутри социума (в том числе по линии государство – гражданское общество), но как лидер, руководитель и источник всех основных форм и институтов общественной жизни. Российское общественное здание строилось, в отличие от западных, не снизу вверх, а сверху вниз. И это вовсе не признак отсталости от Запада. Это другая цивилизационная конструкция, выработанная в исторической адаптации как оптимальная для российских условий. Ее механическая замена на выработанную Западом модель, как показывают исторический опыт да и некоторые явления современности, для России является неоптимальной.

Природно-климатические условия, высокая степень пространственной распыленности, удаленность от культурных центров, разрушительные войны и постоянные внешние угрозы – все, казалось бы, обрекало Россию на отсталость. И только единой волей государства, концентрацией ресурсов и сил страна могла двигаться вперед и сохранять себя в условиях внешних и внутренних деструктивных воздействий.

Вырабатывая современную модель российской идентичности, необходимо учитывать тот факт, что Россия – страна исторически многонациональная. Сегодня в ней проживают представители около 200 этнических общностей. Россия для всех них является коллективной формой государственности. Поэтому неоправданно искать в России национальности, которые якобы на ее территории не имеют своей государственности. «Историческая Россия – это не этническое государство и не американский "плавильный котел", где в общем-то все так или иначе – мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания и взаимного проникновения сотен этносов и народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне, народов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими» [8].

Можно долго вести научные споры о том, надо или нет утверждать в сознании граждан многонациональной и многоконфессиональной страны позицию, связанную с тем, что мы – единый российский народ, а можно

продолжить политическое развитие этой позиции, поскольку она является наиболее верной в контексте преодоления внешних угроз и определения достойного места России в глобализирующемся мире. И особенно необходимой в условиях постоянного раздувания этнического национализма.

Безусловно, продвижение концепции единого российского народа, формирование российской, государственно-гражданской идентичности – дело не из легких. Сложность решения поставленной задачи определяется тем, что при формировании индивидуальной идентичности граждан важно «соблюсти паритет» между своей идентичностью как представителя российского народа и принадлежностью к определенной нации, этносу. Но при государственной поддержке всех наций и национальностей на территории страны, а такой опыт у нас был и есть, она выполнима.

По сути дела, сегодня вопрос участия государства в процессах формирования и поддержания национальной идентичности россиян – это вопрос правильной расстановки «реперных точек» и выбора правильных решений по ним. Ведь во многом именно отсутствие общенационального проекта, способного консолидировать российское общество как государственную и гражданскую общность, явилось причиной застойных явлений российской идентичности, стимулировало в обществе поиск новых идентификационных и консолидирующих оснований. Этот поиск нашел отражение в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (декабрь 2012 г.), где говорится буквально следующее: «Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 г., что у нас единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития» [9].

В новейшей истории Россия три раза подвергалась «мировоззренческим революциям», результатом которых становилась радикальная смена ценностных составляющих: от системы ценностей, которая базировалась на идеалах православия, к ценностям коммунистического толка и до современного состояния, отмеченного распадом советской общности. Все это так или иначе отражалось на государственно-гражданской идентичности.

Надо признать, что современные реалии повседневной жизни создают множество различных нюансов, тормозящих созидательный процесс формирования общероссийского самосознания. Слабые демократические традиции, неразвитость гражданского общества и широкое проникновение массовой культуры выступают элементами, противодействующими интеграции. Без организации системы гражданского воспитания на всем пространстве нашей страны полноценное утверждение общероссийской гражданской идентичности осуществляться не может.

Отсюда особую актуальность приобретает вопрос разработки на государственном уровне так называемой «политики идентичности». Смысл употребления данного термина состоит в том, что государства, партии пытаются «управлять идентификацией», учитывать в политике и идеологии идентификацию граждан и общностей как неинституциональный политический ресурс. Это даёт возможность активно конструировать национальную идентичность для поддержания социального равновесия, символов государственной власти, ослабления политических оппонентов, изоляции радикализма и экстремизма.

Идентичность в обществе поддерживается и наработанным социальным капиталом – взаимосвязями, способствующими сохранению механизма социального воспроизводства, возможностями конвертировать социальный капитал в экономический и неэкономический капиталы. Тем самым преодоление кризиса идентичности посредством развития социального капитала может считаться эффективным ответом на глобальный и региональный вызовы идентичности.

Однако социальный капитал без существующего доверия ожидаемой «капитализации» не даст. В связи с этим уместно сослаться на Ф. Фукуяму, который феномен доверия определяет как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [10, с. 52]. В сущности, Ф. Фукуяма подчеркивает не только нравственную, но и экономическую, прагматическую ценность доверия, когда доверие позволяет работать не принудительным механизмам социального контроля, а гражданскому обществу. Доверяя друг другу, люди преодолевают многие трудности, экономят свои усилия, терпят меньше издержек экономического и морально-психологического характера.

Весьма показательным индикатором доверия на постсоветском пространстве могут служить данные социологического проекта «Интеграционный барометр», реализуемого Евразийским банком развития и Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор». В нынешнем году исследование в рамках данного проекта охватило более 14 тыс. респондентов в 12 странах – 11 государствах СНГ и Грузии.

В целом исследование «Барометр-2013» подтвердило основные доминирующие векторы интеграционных предпочтений (притяжения) граждан стран СНГ. Так, в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а также в Армении и Беларуси в большей степени представлены интеграционные ориентации в направлении постсоветского пространства (прежде всего в сторону России).

В самой России, а также в Грузии, Молдове и на Украине чаще встречаются интеграционные предпочтения в сторону Евросоюза (в Гру-

зии сопоставимо встречаются ориентации на США, в Молдове – на Россию). Наконец, в Азербайджане доминируют настроения в пользу «остального мира» (прежде всего Турции). При этом в России, на Украине, а по некоторым вопросам также в Армении, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане довольно высоки и автономистские массовые настроения («нет притяжения ни к каким странам»).

Примечательно, что население Молдовы, Украины, частично Узбекистана демонстрирует существенную многовекторность интеграционных настроений своего населения. Вместе с тем население России, которая для многих стран бывшего СССР является центром притяжения, не проявляет заметной склонности к интеграции, а, напротив, демонстрирует распространённость автономистских умонастроений. Это можно определить как одну из основных проблем гуманитарного обеспечения интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Если речь вести относительно обобщающих показателей приоритетности геополитических кластеров для каждой страны в целом и по каждой из основных сфер жизни общества, то они выглядят следующим образом.

В сфере политики для населения всех стран СНГ остается приоритетом такой кластер, как «страны бывшего СССР».

В экономике общей доминанты в массовых предпочтениях, как в случае с политикой, нет. Страны можно разделить на следующие группы:

- ориентация преимущественно на внешний мир – характерна для населения Азербайджана;
- ориентация за пределы постсоветского пространства, на «страны Евросоюза» и «другие страны» – характерна для населения России и Грузии;
- ориентацией на постсоветское пространство и внешний мир отличаются настроения граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана;
- экономические ориентации преимущественно на Евросоюз характерны для населения Украины;
- близкие значения индексов ориентации населения и на «страны бывшего СССР», и на «страны Евросоюза», и на «другие страны» характерны для населения Армении и Беларуси.

Для сферы социокультурных связей характерны следующие закономерности:

- ориентация на Евросоюз преобладает у шести стран – это Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина;
- в свою очередь Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан притягиваются одновременно к постсоветскому пространству и внешнему миру;
- кластер «другие страны» является приоритетом для населения Азербайджана и Узбекистана;

- население Туркменистана в культурной сфере ориентировано главным образом на постсоветское пространство.

Существенных изменений за год не произошло, в 2012 г. для социокультурной сферы наблюдались те же закономерности.

По совокупности трех факторов – экономика, политика, культура – приоритетным вектором притяжения для относительного большинства стран является постсоветское пространство, и ключевым фактором такой группировки является политический. На постсоветское пространство в 2013 г., оказалось, преимущественно ориентировано население семи стран (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Столько же было в 2012 г. Но стоит отметить, что Молдова по итогам второго замера переместилась в зону притяжения к Евросоюзу, а ее место в зоне притяжения к постсоветскому пространству занял присоединившийся к проекту Туркменистан [11].

Пореформенной России предстоит извлечь немало уроков из двух десятилетий рыночных преобразований. Один из них состоит в следующем: для сохранения и укрепления национально-государственной идентичности в массовом сознании российских граждан должно утвердиться понимание того, к какому обществу, осуществляя системные трансформации, движется страна. Между тем в настоящее время содержание конституционного определения России как социального государства остается неясным, а соображения общественных наук на этот счет не находят официального закрепления. В результате граждане страны, по сути дела, лишены важнейшего ориентира, а именно понимания того, каким станет общественное устройство Российской Федерации в результате проводимых реформ и что это даст народу. А ведь самой социально-исторической практикой подмечено, что отсутствие в обществе понимания перспективных целей преобразований, отсутствие национальной идеи, придающей духовную силу народу, является, по сути, не менее существенной преградой на пути модернизации страны, чем научно-техническое отставание.

К этой, можно сказать, жизненной аксиоме следует привлечь дополнительное внимание. Свидетели событий и процессов, получивших развитие в России после 1991 г., хорошо помнят, насколько тогда государственная власть была охвачена иллюзией по поводу того, что новая национальная идеология рождается сама по себе, и представлениями о том, что не дело, когда государство, политический класс, элиты общества вмешиваются в определение и трактовку национальной идеи. Но логика и практика реформ оказались мудрее и показали, что «новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам» [12].

И, действительно, самоустранение государства, его уход из идеологической сферы сработали так же, как и механическое копирование чужого опыта. Речь идет о том, что не имеющие ничего общего с традициями и

ментальностью России грубые попытки цивилизовать ее извне, привить российским гражданам нехарактерные для них жизненные ценности были отторгнуты большинством нашего народа. Как в 1990-е гг., так и в нынешний период это убедительно показали и показывают результаты массовых опросов.

Но всегда следует понимать и другое, также вытекающее из социального опыта народа. Национальная идея, черты национальной, социокультурной идентичности не могут быть навязаны сверху и основываться на идеологической монополии. Идеи, способные придать народу духовную силу, выводятся из осмысления синтеза национального опыта и духовно-культурных, нравственных и политических традиций и ценностей. Именно на этом исторически основывалась, существует ныне и будет сохраняться и развиваться впредь национальная и гражданская идентичность народов.

Примечания

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.

2. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: Изд-во АСТ, Транзиткнига, 2004.

3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.

4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

5. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011.

6. Цивилизация. Модернизация. Идентичность // Материалы междунар. науч. симп. (Москва, 27-28 ноября 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012.

7. *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

8. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

9. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 22.09.2013).

10. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, Ермак, 2004.

11. Интеграционный барометр-2013: аналит. резюме. СПб: ЦИИ ЕАБР, 2013.

12. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19243/print> (дата обращения: 22.09.2013).